

М. А. Литовская, С. Ши
**КИТАЙ И КИТАЙЦЫ НА СТРАНИЦАХ
 УРАЛЬСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1920–1930-х гг.***

УДК 82-92(470.5)

ББК 83.3(235.55)

Собраны и систематизированы литературные тексты (стихотворения, художественные очерки, рассказы), опубликованные в периодических изданиях Среднего Урала 1920-х–1930-х гг. («Живая театрализованная газета», «Крестьянская газета», «На смену!», «Рост», «Товарищ Терентий», «Уральский рабочий», «Штурм»), главными героями которых являются китайцы. Рассмотрена связь художественных текстов газетной периодики с информационными (новостными) текстами, а также с реальным присутствием китайцев на Урале и политикой Китая. Проанализирована динамика изображения китайцев в периодике Урала: в отличие от предшествующего этапа, когда китайское ассоциировалось с экзотическим, в первую очередь со стилем шинуазри и оригинальной «восточной» философией, в 1920–1930-е гг. образы китайцев в газетной литературе, не утрачивая этноспецифичности, становятся частью пропагандистского дискурса, используются в качестве примера, подтверждающего правомочность и верность интенций советской государственной политики. На основании литературоведческого анализа показано, что «идеологический» и «бытовой» образы китайцев, бывших реальной, хотя и немногочисленной, диаспорой на Урале, в советской провинциальной периодической печати расходятся (не всегда оторефлексируются), что, в принципе, соответствует разрыву между идеальным образом СССР как вдохновителя мирового революционного движения, защитника рабочего класса, оплота интернационализма и бытовым национализмом его жителей.

Ключевые слова: советская журналистика 1920–1930-х годов, газетная литература, политический дискурс, образ Китая

В литературных текстах Урала, опубликованных в периодических изданиях 1920–1930-х гг., одной из популярных тем была китайская тема. Сбрав воедино и первично систематизировав художественные тексты уральской периодики, главными героями которых являются китайцы и где создается образ Китая,¹ мы обратили внимание на то,

что пик интереса к этой теме в интересующий нас период приходится на середину 1920-х — первую половину 1930-х гг. Китайская диаспора

¹ Художественные тексты: Альпин А. Новый Китай // Крестьянская газета. Свердловск. 1927. 28 марта. № 24 (375). С. 7; Афанасьев В. Г. Советский Китай // Живая театрализованная газета (Пермь; Свердловск). 1930. № 65–66. С. 38; Балин С.

О китайце Сиу-хин. Рассказ // Рост. Свердловск. 1931. Кн. 2–3. С. 27–38; Буйницкий Е. Китай // Уральский рабочий. Свердловск. 1927. 11 февр. № 34 (2631). С. 2; Вайян-Кутюрье П. Париж–Шанхай–Москва–Париж // Штурм. Свердловск. 1934. № 1. С. 154–165; № 2. С. 100–116; Вошин М. Повесть о двух китайцах. Письма из ОДВКА // На смену! Свердловск. 1930. 19 февр. № 42 (1097). С. 4; 20 февр. № 43 (1098). С. 4; 21 февр. № 44 (1099). С. 4; Зверев С. Китайка Лю // Рабочий. Нижний Тагил. 1928. 8 марта. № 58 (650), С. 3; Дизо. Китайская репка // Уральский рабочий. 1927. 22 июля. № 165 (2762). С. 2; Молчанов В. Шанхай. // Товарищ Терентий. Свердловск. 1925. № 12. С. 18; Ове Ф. Снайперы революции. Повесть из китайской действительности // На смену! 1927. 12 окт. № 105 (471). С. 7; 16 окт. № 107 (473). С. 7; 19 окт. № 108 (474). С. 7; 21 окт. № 109 (475). С. 4; 23 окт. № 110 (476). С. 7; 26 окт. № 111 (477). С. 7; 28 окт. № 112 (478). С. 4; 30 окт. № 113 (479). С. 7; 2 нояб. № 114 (480). С. 11; 6 нояб. № 115 (481). С. 7; 11 нояб. № 116 (482). С. 4; 13 нояб. № 117 (483). С. 7; 16 нояб. № 118 (484). С. 7; 18 нояб. № 119 (485). С. 4; 20 нояб. № 120 (486). С. 7; 23 нояб. № 121 (487). С. 8; 25 нояб. № 122 (488). С. 4; 27 нояб. № 123 (489). С. 7; 30 нояб. № 124 (490). С. 7; 4 дек. № 125 (491). С. 7; Огурцов С. Китаец Ли // Товарищ Терентий. 1925. № 17–18. С. 4; Реут В. Баллада о Востоке // На смену! 1927. 6 марта. № 18 (384). С. 6; Чилин И. Китайская изюминка // Уральский рабочий. 1926. 2 сент. № 199 (2498). С. 3; Шипулин. Китайские мотивы // 14 дней. 1929. 13 янв. № 1 (6). С. 3; Рецензии на книги о Китае: Г. Л. Книга рабочим. Вацлав Серошевский, Янг Хун-Цзы. Заморский дьявол. Китайские повести. Пер. с польск. М., 1928 // Рабочий. 1928. 21 апр. № 93 (675). С. 4; Л. Евг. Старый и новый Китай // Штурм. 1934. № 11.

Литовская Мария Аркадьевна — д.филол.н., г.н.с.,
 Институт истории и археологии УрО РАН, профессор,
 Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: marialiter@gmail.com

Ши Сяолун — аспирант, Уральский федеральный
 университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: mail_sino@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00118 а «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века» (рук. Е. К. Созина). Авторы выражают благодарность директору музея «Литературная жизнь Урала XX века» Ю. С. Поддубновой за помощь в подборе материала

на Урале традиционно была невелика,² многие российско-китайские связи не афишировались из-за значительного числа обосновавшихся в Китае эмигрантов, несогласных с политикой советской власти, опасавшихся преследований с ее стороны.³ Тем не менее до 1937 г. новости Китая постоянно фигурировали в уральских газетах. Это было связано с политической обстановкой в Китае (события революции и гражданской войны), с установлением и расторжением советско-китайских дипломатических отношений.⁴ Повышенный интерес к китайской тематике был также обусловлен установкой СССР на активный всесторонний, в том числе и символический, патронаж тех политических движений, которые можно было трактовать как народно-освободительные, революционные. Литературная обработка темы революционного Китая в уральской периодике практически прекратилась после начала Японо-китайской войны 1937–1945 гг.⁵

В настоящей статье рассматриваются литературные тексты, составляющие часть политического советского дискурса. Архитектоника советских региональных периодических изданий, которые представляли на своих страницах конгломерат текстов, направленных на идеологическую обработку широкого круга читателей, предполагала сосуществование текстов собственно информационных и художественных. С одной стороны, это было обусловлено тем, что, по справедливому замечанию Р. В. Белькова, «журналистика и литература в провинции оказались совмещенными в силу того, что многие литераторы ... были одновременно и журналистами. Поэтому местная журналистика 1920-х годов оказалась во многом «олигературена», литература же была крайне публицистичной».⁶ С другой стороны, причи-

ной подобной организации советской периодики являлся традиционно высокий статус литературы в России и СССР, что неоднократно подчеркивалось в высказываниях руководителей советского государства⁷ и делало желательным появление в периодической печати художественных текстов (стихотворений, рассказов, повестей, очерков), эмоционально дополняющих «сухую» новостную информацию, самим фактом своего существования подтверждающих человечность государственной политики СССР. Анализируемые в статье тексты, в основном открыто написанные «на заказ», нередко для того, чтобы заполнить пустующее на полосе место, не обладают выдающимися художественными достоинствами. Они интересны, скорее, как социальный феномен, связанный с литературной поддержкой государственной идеологии, как пример изображения человека другой национальности в условиях обязательного интернационализма, провозглашенного на высшем государственном уровне.

Основное место в нашей подборке занимают произведения, являющиеся иллюстрациями советской интерпретации политических событий в Китае. Наиболее явно это проявляется в тексте В. Афанасьева «Советский Китай (каркасированная оратория)» (1930). Он был напечатан в «Живой театрализованной газете» — издании, публиковавшем материалы для так называемых «Живых газет» — политинформаций в виде коротких театрализованных представлений, включавших видеоряд, индивидуальную и коллективную декламацию, исполнение частушек, разыгрывание коротких сценок. Жанровая форма, открыто связанная с политической агитацией, главной задачей имела доступное и запоминающееся изложение советской версии какого-либо политического события, в нашем случае — Съезда Советов в Шанхае. Автор создает креолизованный текст, реципиент сценического воплощения которого получает аудиовизуальный образ политического деятеля или события: «Генерал Чан-Кай-Ши давно обречен (На экране перечеркнутый портрет Чан-Кай-Ши), / Не спасет его сам «создатель». / Для буржуазии он — (имитируя восторженность) Наполеон, / Для китайского кули — предатель!»⁸

² См.: Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011; Кирьянов И. К., Обухов Л. А. Новое исследование по истории этнодисперсных групп народов Среднего Урала // Вестник Перм. ун-та. История. Пермь, 2011. Вып. 3 (17). С. 155.

³ 石方. 哈尔滨俄侨史 / 石方, 刘爽, 高凌. — 2版. — 哈尔滨, 2003 (Ши Ф. История русского Харбина / Ф. Ши, Ш. Лю, Л. Гао. Харбин, 2003).

⁴ См., напр., номера газеты «На смену!» с середины апреля по май 1927 г.; в частности: Сын Чан-Кай-Ши об измене отца // На смену! 1927. 21 апр. № 38 (404). С. 2; и др.

⁵ В советской художественной литературе тема была развернута в фоновое изображение участия СССР в конфликтах с «фашистской Японией» (вторая часть романа «На Востоке» П. Павленко, «Далеко на Востоке», «Танк» К. Симонова, «Миша Корольков» С. Михалкова и т. п.).

⁶ Бельков Р. В. Газетная и литературная культура Саратова. На материале периодики 1920-х годов: автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2005. С. 5.

⁷ См., напр.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999; Счастье литературы. Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997.

⁸ Афанасьев В. Г. Советский Китай. С. 38.

Сам факт Съезда, собственно, является единственной новостной информацией в тексте. Жанровые условия «оратории» (исполнители громко выкрикивают свои тексты) предполагают, что в ней дается только видео- и поэтический «каркас» (отсюда жанровое определение «каркасированная») политинформации. Детализировать новость должны соавторы «Живой газеты», обычно ее непосредственные исполнители. В сценку включен в качестве персонажа Рупор, который сообщает «краткую выдержку из газет о прошедшем в Шанхае Съезде представителей Сов. территорий Китая», «о последних победах Кит. Красной армии (sic! – М. Л., Ш. С.) и о количестве советских территорий Китая». Кроме Рупора, важную роль в коротком спектакле играет Экран: на нем демонстрируют сначала уже упоминавшийся портрет Чан-Кай-Ши, потом — «2 карты Азии. Первая — старая, вторая — красные буквы по китайской территории „СССР–Китай“». Изображение поддерживается рифмованными заявлениями: «Киткомпартия — На верном пути! / Скоро красным она начертает / На карте, там, где пятно желтит: / “СССР–Китай”».⁹

В. Афанасьев оперирует привычными для читателей 1930-х гг. стереотипными образами, с помощью которых было принято описывать классовую борьбу. Мир разделен на два лагеря: «лакеям мирового капитала», «китайскому са-трапу», «британскому льву», «хищникам жадной стаи» противостоит пролетариат, в случае «угнетенного Востока» эмблематично обозначаемый как кули. Этноспецифическая информация, таким образом, сводится к воспроизведению сложившихся политических символов, не нуждающихся в дополнительной расшифровке. Собственно, сам текст «оратории», служащий основой информационно-развлекательного действия во время рабочего перерыва, не требует напряжения при восприятии, повторяет известное зрителям, всего лишь облекая информацию в броскую запоминающуюся форму.

Аналогичную функцию — повторять и закреплять представления о политическом устройстве мира, заданные в информационно-новостных текстах, — выполняет стихотворная публицистика. Она появляется в периодической печати в связи с какими-то значительными событиями¹⁰ или для поддержания определенных политических представлений.¹¹

Публикация стихотворения Василия Молчанова «Шанхай» обусловлена всеобщей стачкой в Шанхае в 1925 г. Сложная история Шанхая и движения «Тридцатого мая» сводится автором стихотворения к нескольким ключевым моментам, отсылающим читателя, с одной стороны, к знакомым ему фактам российской истории, с другой — к литературной традиции отечественной революционной поэзии.

«Затянули Шанхай в хомуты тугие / Тащить чужестранцев кладь!» — такой образ находит автор для изображения особенного статуса города. Шанхай в его описании — колониальная жертва международного империализма: «Всюду, всюду чужое шагает, / Золотой выпирая пуп». Местное население живет в нищете: «Обливаются люди потом, / Продаваясь за горсть грошей». Экзотичными для советского читателя были названия профессий и сами профессии китайцев: «Сгибаются с хрустом спины кули», «Армия рикшей сутулится, / Задыхаясь в конской судьбе». Но важнее то, что все они — представители основных революционных классов — пролетариата и крестьянства. В Шанхае существуют предпосылки стачки — экономическое и национальное угнетение. Поводом для забастовки, согласно заданной интерпретации, стал тот факт, что «Сегодня на фабрике японцы / Убили китайца-раба». Результат этого события изображен обобщенно-романтизировано: «От Шанхая вести разлетелись, / Разлетелись вдаль по городам, / Закружились вихри, зазвенели, / Зазвенели здесь и там». В итоге «вихри» оформились в лозунг «Убирай грабительский капкан!», который разносится «из края в край набатом».

Изображая начавшуюся революционную войну, В. Молчанов оперирует многократно использованными в революционной поэзии, а значит, знакомыми читателю образами грозы, вихрей, ветров, солнца и тьмы, горя, вздыбленной страны и т. п.: «И сумело подслушать солнце, / Как за песней росла гроза, / Пробивала на свет оконце, / Зажигала огонь в глазах...»¹² Автор, неумелый поэт, очевидно находящийся под сильным влиянием Сергея Есенина (воспроизводит любимые есенинские размеры и мотивы), эклектически смешивает поэтические традиции, используя также образы искусства ши-нуазри: «Даже Пекин — город мандаринный /

⁹ Там же.

¹⁰ Молчанов В. Шанхай. С. 18.

¹¹ Буйницкий Е. Китай. С. 2.

¹² См.: Фарбер Л. М. Советская поэзия первых лет революции: 1917–1920. М., 1966; Фатющенко В. Русская лирика революционной эпохи (1912–1922 гг.). М., 2008.

Позабыл величие веков — / Разметал ухаби-сто седины, / Взбунтовался тысячью шагов». При этом важнейшим для лирического героя оказывается осознание роли СССР в истории Китая. На происходящее в Шанхае влияют события Октябрьской революции, которая выступает как пример всему человечеству: «Говорят, придет пора такая — / По-иному вздыбится страна — / По лицу великого Китая / Пробежит Октябрьская волна...»

Аналогичным способом создает образ Китая Евгений Буйницкий, который в стихотворении «Китай» дает обобщенную картину гражданской войны в этой стране. Причина войны — понятное читателю классовое противостояние. Стая «культурных хищников», «поработителей, пришельцев стран других», «эксплоататоров, пришельцев иноземных», «своих, чужих насильников тюремных» — все это «перепуганные» представители «империализма», который «читает с дрожью весть» о том, что «Студент, купец, рабочий, кули, рикши, / Крестьянин, бой, / Китайский весь народ, / За годы долгие к молчанию привыкший, / Восстал сейчас / И требует свобод». Образы «народной волны», «мощных вихрей», «неукротимого гуда», «сомкнутых рядов» — весь этот неразвернутый и поэтически не обоснованный словарь русской революционной поэзии обрамляет центральную идеологему: «Октябрьские уроки / Несут... предвестие побед».

Китай вновь предстает своего рода подтверждением верности революционного пути России, «образцовости» Октябрьской революции, служащей ролевой моделью для пролетариев всего мира. По этой причине поэт из страны уже победившей пролетарской революции считает себя вправе несколько раз передать привет «многомиллионному» народу, который обобщенно охарактеризован как «Проснувшийся далекий / Народ, изведавший немало тяжких бед». В этноспецифичности нет необходимости, так как самое интересное для автора в чужой стране то, что «Китай восстал, колонии разбудит, / А там бойцов — / Не оглядеть, не счесть!». Иными словами, Китай своим примером должен был вдохновить и мобилизовать бойцов на мировую революцию, идея которой в 1927 г. еще не утратила в СССР. Китайцы, все те же «кули» и «рикши», к которым, правда, прибавились еще «бои», интересны только как представители страны, освобождающейся от колониальной зависимости.

Наряду с обобщенно-романтическим, заведомо условным изображением восставшего Китая, читателям предлагались и тексты с установкой на правдоподобие. Так, С. Огурцов рассказывает о своей прогулке с китайцем, работающим «на одной из фабрик в Иваново-Вознесенске».¹³ В результате разговора «...понял Симка Огурцов китайца рвущую душу». Появление в тексте автора как персонажа, заявление о его знакомстве с персонажем-китайцем должны были создать у читателя середины 1920-х гг. ощущение реальности разговора, хотя автор, опираясь на стереотипы описаний природы Китая («знойный край», «плантации риса») и положения китайцев в нем («звон оков»), транслирует, по сути, общее место: китаец Ли — прилежный ученик русской революции и рабочих советского завода. Он член КИМ, у него «Ленин на груди», он вдохновлен тем, что «неуемным ветром революций нынче взвихрен солнечный Китай», и понимает, что «от Ли ждет родина борца». Китаец, проходящий трудовую и революционную выучку в СССР, — вот тот умоглядный образ, которому наивный автобиографизм призван придать правдоподобие.

Детали, задача которых — вызвать доверие к литературному тексту, могут иметь разный характер. Так, при публикации художественного очерка М. Вощина «Повесть о двух китайцах. Письма из ОДВКА» правдивость текста подчеркивается уже самим представлением журналиста читателю. Подпись под рисованным портретом улыбающегося мужчины в застегнутой буденовке гласит: «Товарищ Вошин — автор очерка, посланный свердловскими журналистами в ОДВКА на смену павшему в бою сотруднику “Тревоги” Р. Волину».¹⁴ Как очевидец событий автор подкрепляет свой рассказ групповой фотографией, где среди прочих есть и главные герои очерка — Чан Жи Фу и Ти Хан Син. Вошин использует также испытанный фабульный ход: история героев завершается случайной встречей автора-рассказчика с одним из героев. От Ти, который едет на работу на один из советских заводов, автор узнает о смерти Чана, причина которой неизвестна, при этом он объясняет причину недостаточности информации отсутствием переводчика на железнодорожной станции.

¹³ Огурцов С. Китаец Ли. С. 4.

¹⁴ Вошин М. Повесть о двух китайцах. С. 4.

По мере того как идея мировой революции сходит с актуальной политической повестки дня, изображение Китая меняется. Во многом это связано со сменой авторов: СССР становится все более закрытым государством, в нем формируется сообщество «проверенных» европейских литераторов, которых используют для пропаганды советских ценностей подобно тому, как в советской промышленности использовали иностранных специалистов.¹⁵

В журнале «Штурм» в 1934 году был опубликован очерк французского писателя и журналиста Поля Вайяна-Кутюрье «Париж–Шанхай–Москва–Париж» о поездке автора в Шанхай на антивоенную конференцию. Образ Китая у французского автора по-прежнему однозначно соответствует историко-материалистической интерпретации ситуации. Азиатские страны находятся под гнетом империализма и капитализма. На текстильных, табачных, шелкопрядельных фабриках Шанхая в ужасных условиях работают миллионы нищих рабочих. Крестьяне теряют урожаи и имущество из-за стихийных бедствий и эксплуатации. «Здесь грабят, трудятся, страдают, дерутся и умирают. Здесь все, кто служат делу социализма, подвергаются самым диким репрессиям».¹⁶

Но обобщенный образ буржуазного города («Шанхай живет в смертельном страхе и ненависти перед грозным призраком коммунизма»; «... каждый жук из шанхайской навозной кучи по-своему, со своими оттенками ненавидит коммунизм»¹⁷) расцветается многочисленными подробностями пестрого шанхайского быта. К уже привычному читателю кули и рикшам добавляются перечислительные описания, где фигурируют курильни опиума, японские бордели, пятидесятицентовые русские проститутки-белоэмигрантки, китайские танцовщицы, банкиры, уличные бандиты, консулы, португальские кассирши, маклеры и т. п. Взгляд очевидца фиксирует экзотические привычки китайцев: они продают дочерей, чтобы получить средства на воспитание сыновей, считают время лунами, сжигают палочки священного дерева, чтобы понять будущее, используют серебряную бумагу, чтобы задобрить бога луны, питаются сладким картофелем, бобами, рисом с соевым соусом и т. п.

¹⁵ См., напр.: Краева Т. В. Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: Механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920 — середине 1930-х годов // Изв. Перм. ун-та. Серия: История. 2013. № 2 (22).

¹⁶ Вайян-Кутюрье П. Париж–Шанхай–Москва–Париж. С. 156.

¹⁷ Там же. № 2. С. 104.

Китайский мир изображается как особенный, реалии Китая порождают у автора этнографический интерес, но его затмевают выверенные идеологические эмоции. На сей раз они опираются на устойчивые конструкции складывающегося социалистического реализма с его основополагающей фабулой — историей роста революционного самосознания персонажей. Рассказ о том, «как крестьянин Чен стал красным», о крестьянине, которого голод и отчаяние довели до сопротивления властям, содержательно близок роману М. Горького «Мать».¹⁸ История формирования крестьянской армии скроена как будто по лекалу «Железного потока» А. Серафимовича.¹⁹ Повествователь вслед за рассказчиком идеализирует социалистический военизированный мир, который создают в провинции партизаны, и перечисляет множество ярких его особенностей.

Текст П. Вайяна-Кутюрье несет в себе противоречие принятого в советской прессе идеологически детерминированного изображения другого мира. Показывать специфичность чужого кажется бессмысленным, так как «меняются лишь окрестности, краски пейзажа, но все время перед тобой остается уродливое лицо империализма».²⁰ В то же время именно детали жизни, в том числе жизни другого народа, позволяют выйти за пределы готовых схем, продемонстрировать писательские возможности автора.

Впрочем многие авторы текстов, публикуемых региональной прессой, всего лишь отбавывали очередной заказ, а следование поставленной задаче, идеологическому образцу и актуальным направлениям в развитии литературы облегчало «прохождение» рукописи. Так, Сергей Зверев в своем стихотворении, опубликованном в «женский день» Восьмое Марта, рассказывает трогательную историю «китайки Лю», которая в «белом садике» «под грушевою тенью» «прошептала первое “люблю”» Ли Чану, но эта любовь была растоптана, «ее сердцу больше не цвести».²¹

¹⁸ Евг. Л., рецензируя очерки Агнессы Смэдди «Дочь земли», «Китайские судьбы», «Рассказы о революционной китайской красной армии», как несомненное достоинство отмечает сходство ее очерков с «манерой Горького» и со «скудным китайским рисунком» (Л. Евг. Старый и новый Китай. С. 115).

¹⁹ Один из командиров рассказывает: «Из торговцев капустой мы превратились в настоящую армию... Теперь у нас есть светло-голубая форма, фуражки с длинными козырьками и звездой» (Вайян-Кутюрье П. Указ. соч. № 2. С. 108).

²⁰ Вайян-Кутюрье П. Указ. соч. № 1. С. 154.

²¹ Зверев С. Китайка Лю. С. 4.

Делая поэтический подарок, автор, потакая предполагаемой сентиментальности женской части аудитории, подчеркивает, что «маленькая Лю» — из бедной крестьянской семьи, а причина ее драмы в том, что отец продает ее в жены состоятельному «гостю» из Мукдена, у которого «вся в шелку родня» и «гаоляном поросли широкие поля».

Более развернутый, но от этого не менее предопределенный конвенциями современной литературы образ китайца создается в рассказе Сергея Балина «О китайце Сиу-хин» (1931). Начавшаяся в СССР индустриализация корректирует сюжет, и китаец оказывается рабочим советского завода. «В цехе его звали просто — Ванька Сиухин. Пришел давно — в октябре двадцать третьего. Простое его терялось в извилинах шанхайских улиц».²² Балин реализует новый, характерный для начала 1930-х гг. вариант сюжета, о перевоспитании рабочего под влиянием труда. «Высокий, большой, серо-черный, как корка необработанного чугуна литья. От тисов не отличить».²³ Так в начале рассказа характеризуется персонаж, который на глазах читателя превращается в ударника, вызывающего на соревнование товарищей по конвейерной сборке кранов. У героя — бывшего рикши, бежавшего в свое время из Шанхая — появляется уверенность в себе и достоинство рабочего человека. «Труд в СССР волен — это знает Сиухин. Слышит он это в шорохе ремней, шелесте пара и тонкой трели электромотора. И нет больше рикши Сиу-хина, а есть слесарь Ванька Сиухин с завода “Шток” в СССР. У Сиухина — широкие ступни ног, стойка крепкая. У Сиухина — сильные руки, верный удар. А сзади — большой седок — завод, фабрики, рудники, поля. Путь труда пятилеткой намечен. Сиухин честно везет этот дорогой груз».²⁴

Автор стремится подчеркнуть и особенность Сиухина: иногда передается неправильность его речи, иногда подмечаются странные привычки (он, например, «курит длинную с тонким черенком трубку, какими курят опий»²⁵), которые намекают на его национальность. Но главным оказывается классовая принадлежность героя. В рассказе 1931 г. уже нет ни слова о мировой революции, здесь главенствует идея о том, что рабочие делятся не

по национальному признаку, а по качеству отношения к делу. В то же время в тексте неоднократно возникают отрицательные характеристики китайца именно как представителя определенной этнической группы. Сосед по конвейеру Федюков так реагирует на рабочий вызов Сиухина: «Ваш брат тарелки на носу вертеть может, а мы нет».²⁶ Лентяи Жилин и Саушкин, которые готовы организовать на заводе забастовку не работать, обзывают Сиухина «ходей», «макакой», «китаезой», «желторылым». Бранная и презрительная лексика, конечно, в первую очередь маркирует самих героев как отрицательных.

Изображение национализма в рабочей среде — интересная деталь. На первый взгляд, представление о других этносах было предсказуемым: отношение к ним «предопределялось их ролью в классовой и общеполитической борьбе, а не этническими отличиями как таковыми. В этом — общем и главном — советская идеология была не только последовательна, но и тенденциозна: в тех случаях, когда этнические и расовые отличия рисовались ею как маркер социальной и политической сегрегации, ее жертвы обретали все шансы найти сочувственную встречу со стороны советской пропаганды».²⁷ Но риторика советской пропаганды существовала в отрыве от риторики повседневности, в том числе той, что применялась для фиксации этнических отличий. Сложившийся до революции, активно используемый для выражения пренебрежительного отношения к другим народам язык обнаруживал себя, как только говорящий переставал контролировать свою речь и сосредоточивался на ином предмете. С этой точки зрения интерес представляет стихотворение И. Чилима «Китайская изюминка». Описание в нем китайца и его занятия основано на реалиях, настолько привычных читателю, что они стали основой для сюжетообразующей аналогии в тексте.

Автор подробно описывает распространенную «базарную» игру «Найди изюм», инициатором которой и главным исполнителем является китаец:

Всегда с клиентами, — всегда в кружке
Детей, зевак и дремлющих торговков
Показывает, как он ловок, —

²² Балин С. О китайце Сиу-хин. С. 27.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 29. О китайцах-циркачах на Урале см.: Каменских М. С. Указ. соч. С. 38–42.

²⁷ Богданов К. Переменные величины: Погода русской истории и другие сюжеты. М., 2014. С. 189–190.

Китаец на толчке.
 — Найди изюм! Найди изюм! —
 Кричит он через гам и шум.
 — И до чего ж хитер, стервоза! —
 Восторженно шипит в толпе какой-то «клеш», —
 — Испробуй все, что хошь,
 Лоб расшибешь, изюму не найдешь.
 — Хитрейший китаеза!
 И впрямь китайская игра
 Весьма занятна и хитра.
 Поставлены три чашечки. В одну
 Положена изюминка. Другие
 Грязны, как первая, и, сверх того, пустые.
 Вертит китаец их и стучает по дну.
 — А, ну, тувалисс, ну!
 Пятак кладешь, изюминку найдешь! <...>
 И много сыплется монет,
 Изюминки-ж все нет и нет.
 И говорит тогда один
 Сыгравший трижды гражданин:
 — Игра не новая. Я видел ее где-то,
 Кажись, по ведомству Упрофсовета...²⁸

Далее следует критика этой организации, которая нечестно собирает деньги, и обман приравнивается к китайской игре «Найди изюм!». Автор «контролирует» идеологическое наполнение той части стихотворения, которая посвящена критике советской организации. «Китайская» же тема остается своего рода фоном, и в ней свободно проявляются предрассудки и стереотипные ситуации, связанные с китайцами. В описании китайца не подчеркивается экзотичность, с ним не связано морализаторство, хотя персонаж хитер и нечистоплотен в выборе заработка. По сути, происходит фиксация той социальной роли, которую играли китайцы в повседневной жизни, и представлений о них, широко распространенных среди советских граждан.

Мы наблюдаем явное расхождение между «идеологически представимой, но мнимой диаспорой»²⁹ кули, рикш, революционных солдат и диаспорой реальной, память о которой жива в читательской аудитории и которая явно расходится с выверенным образом революционного народа, нуждающегося в политическом покровительстве СССР. Вряд ли в данном случае следует говорить о протестных настроениях автора стихотворения или об осознанной полемичности созданного им образа, скорее, это пример, приоткрывающий зазор между насаждаемым представлением и действительным образом китайцев в сознании

советских обывателей, между патерналистской интенцией власти и не лишены дружелюбия, но все же презрительным отношением к ярмарочному «кидале». Если китаец в новостях, очерках и пропагандистских стихах позиционируется как жертва эксплуатации и расизма, а значит, по определению, как союзник СССР в борьбе с мировым империализмом, то в анализируемом стихотворении он жуликоватый «китаеза» с неправильной русской речью, заискивающий перед публикой и в то же время обманывающий ее. Текст запечатлел социальные отношения, репертуар трюизмов,³⁰ материал не акцентированный, скорее всего, даже не отрефлексированный автором, так как касается он практик повседневной жизни, за которыми, в свою очередь, скрываются не вербализованные в тексте, но могущие быть домысленными политические установки, определяющие эту повседневность.

Газетная литература 1920-х — 1930-х гг., независимо от жанра, создает только тексты «на злобу дня», открыто пропагандистские, тематически сосредоточенные вокруг советской интерпретации событий политической жизни Китая. «Естественный союзник революционной России в борьбе с мировым империализмом»,³¹ Китай изображается как страна, идущая по историческому пути, проложенному СССР. Китайцы интересны советским авторам не столько как представители другой национальности, сколько как граждане чужой страны, где происходят политические события, на основании которых уральские провинциальные журналы пишут китайскую историю по советским образцам. Китаец в повествовании всегда условно литературен, образ его почти эмблематичен, «чуждость» подчеркнута повторяющимися из текста в текст деталями. Можно говорить о дискурсивном закреплении существующих в обществе стереотипов, связанных с характеристиками национального.

Итак, в отличие от предшествующего этапа, когда китайское ассоциировалось с экзотическим, в первую очередь, со стилем шинуазри и оригинальной «восточной» философией,

²⁸ Чилим И. Китайская изюминка. С. 3.

²⁹ Богданов К. Указ. соч. С. 191.

³⁰ См. об этом, напр.: Венедиктова Т. Д. Люди и стены: осмысление повседневности в литературе (Г. Мелвилл и Ф. Достоевский) // Объять обыкновенное: повседневность как текст по-американски и русски. М., 2004. С. 47–61; Трахтенберг А. «Свой век мы служили своему веку»: российская и американская журналистика в «Русском вопросе» К. Симонова и «Русском дневнике» Дж. Стейнбека // Там же. С. 61–72.

³¹ Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 289.

в 1920–1930-е гг. образы китайцев в газетной литературе, не утрачивая этноспецифичности, становятся частью пропагандистского дискурса. При этом «идеологический» и «бытовой» образы китайцев, бывших реальной, хотя и немногочисленной, диаспорой на Урале, рас-

ходятся (не всегда отрефлексированно), что в принципе соответствует разрыву между идеальным образом СССР как вдохновителя мирового революционного движения, защитника рабочего класса, оплота интернационализма и бытовым национализмом его граждан.

Mariya A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *marialiter@gmail.com*

Shi Xiaolong

Postgraduate, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *mail_sino@mail.ru*

CHINA AND THE CHINESE IN THE URAL'S PERIODICALS OF THE 1920–1930S

The authors collected and systematized literary texts (poems, essays, short stories) published in the Middle Urals periodicals in the 1920–1930s (*Zhivaya Teatralizovannaya gazeta*, *Krestjanskaya Gazeta*, *Na Smenu!*, *Rost*, *Tovarishch Terenty*, *Uralsky Rabochy*, *Shturm*) main personages in which were the Chinese. The connection of these texts with the information (news) items published in the same periodicals, as well as with the actual presence of the Chinese in the Urals and the Chinese policy was analyzed. The author also studied changes in the description of the Chinese in the Ural periodicals from the beginning of the 1920s to the mid 1930s. Unlike the previous stage, when everything Chinese was associated with something exotic, primarily with the chinoiserie style and the original “Oriental” philosophy, in the 1920–1930s the images of the Chinese in newspapers, without losing their ethnic specifics, were becoming part of propagandistic discourse, used as examples confirming the legitimacy and correctness of the Soviet state policy intentions. Based on literary criticism analysis it was demonstrated that the “ideological” and the “everyday life” images of the Chinese, who represented the actual, even though small, diaspora in the Ural, were quite different in the Soviet periodicals (though not always consciously), which, in principle, was in line with the gap between the ideal image of the USSR as the inspirer of the global revolutionary movement, protector of the working class, stronghold of internationalism, and the “kitchen” nationalism of the population.

Keywords: *Soviet journalism of the 1920-1930s years, newspaper literature, political discourse, image of China*

REFERENCES

- Belkov R. V. *Gazetnaya i literaturnaya kultura Saratova. Na materiale periodiki 1920-kh godov. Avtoref. diss. cand. filol. nauk* [Newspaper and literary culture of Saratov. On material of the periodical press of the 1920th years. Avtoref. cand. philol. sci.]. Saratov, 2005. 20 p. (in Russ.).
- Bogdanov K. *Peremennye velichiny: Pogoda russkoy istorii i drugie syuzhety* [Variables: Weather of the Russian history and other plots]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 368 p. (in Russ.).
- Farber L. M. *Sovetskaya poeziya pervykh let revolyutsii: 1917–1920* [Soviet poetry of the first years of revolution: 1917–1920]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1966. 255 p. (in Russ.).
- Fatyushchenko V. *Russkaya lirika revolyutsionnoy epokhi (1912–1922 gg.)* [Russian lyrics of a revolutionary era (1912–1922)]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 415 p. (in Russ.).
- Kamenskikh M. S. *Kitaytsy na Srednem Urale v kontse XIX — nachale XX v.* [Chinese on Central Ural Mountains at the end of 19 – the beginning of the 21st centuries]. St. Petersburg: Izd-vo Mamatov Publ., 2011. 352 p. (in Russ.).
- Kiryakov I. K., Obukhov L. A. *Novoe issledovanie po istorii etnodispersnykh grupp narodov Srednego Urala* [New research on history of ethnodisperse groups of the people of Central Ural Mountains]. Vestnik Permskogo universiteta, Seriya: Istoriya, 2011, no. 3 (17), pp. 154–156. (in Russ.).
- Kraeva T. V. *Frantsuzskie levye intellektualy i Sovetskiy Soyuz: Mekhanizmy vzaimodeystviya i literaturnye kontakty v 1920 — seredine 1930-kh godov* [French left intellectuals and Soviet Union: Mechanisms of

interaction and literary contacts in 1920 – the middle of the 1930th years]. *Izvestiya Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2013, no. 2 (22), pp. 97–106. (in Russ.).

Lukin A. V. *Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh* [The bear watches a dragon. An image of China in Russia in the 17–21st centuries]. Moscow: AST; Vostok–Zapad Publ., 2007. 598 p. (in Russ.).

Trakhtenberg A. “*Svoy vek my sluzhili svoemu veku*”: *rossiyskaya i amerikanskaya zhurnalistika v “Russkom voprose” K. Simonova i “Russkom dnevnike” Dzh. Steynbeka* [“The century we served the century”: the Russian and American journalism in “The Russian question” of K. Simonov and “The Russian diary” of J. Steinbeck]. *Obyat obyknovennoe: povsednevnost kak tekst po-amerikanski i russki* [To embrace ordinary: daily occurrence as text in American and Russia]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Uni. Publ., 2004, pp. 61–72. (in Russ.).

Venediktova T. D. *Lyudi i steny: osmyslenie povsednevnosti v literature (G. Melvill i F. Dostoevskiy)* [People and walls: judgment of daily occurrence in literature (G. Melville and F. Dostoyevsky)]. *Obyat obyknovennoe: povsednevnost kak tekst po-amerikanski i russki* [To embrace ordinary: daily occurrence as text in American and Russian]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Uni. Publ., 2004, pp. 47–61. (in Russ.).